

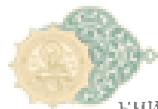

Р Ѣ Ч Ъ,

сказанная архимандритомъ Антониномъ, въ засѣданіи Совѣта Академіи 18 декабря 1902 г., предъ защитою магистерской диссертациіи подъ заглавіемъ „КНИГА ПРОРОКА ВАРУХА“.

Смыслъ нашей работы воспроизведеніе похищеннаго и уничтоженнаго волнами времени текста литературнаго памятника библейскаго періода, книги пророка Варуха.

Въ 1897 г. англійскіе ученые Каулей и Нейбауеръ обнародовали вновь открытый отрывокъ еврейскаго текста книги премудрости Іисуса сына Сирахова. Въ ихъ изданіи есть между прочимъ любопытная и умѣряющая энтузіазмъ реставраторовъ страничка (XVIII), содержащая нѣсколько попытокъ новѣйшихъ ученыхъ возстановить еврейскій текстъ отдѣльныхъ мѣстъ книги Сираха, при помощи древнихъ переводовъ. Эта страничка, говоритъ профессоръ Рождественскій въ Христіанскомъ Чтеніи, наглядно показываетъ, какъ шатки и неосновательны подобныя попытки: рядомъ съ ними приводятся соотвѣтствующія мѣста новооткрытаго текста, и оказывается, что ни одна изъ двухъ - трехъ попытокъ не только не совпадаетъ съ нимъ, но даже и не приближается къ нему (Хр. Чт. 1897 г., т. III, стр. 528). Что опыты перемѣненія мыслию въ область священнаго прошлаго, какъ слѣдуетъ изъ вышеприведеннаго факта, обставлены рискомъ. — это напомнили и намъ, когда нашъ трудъ заканчивался въ рукописи. Въ томъ же 1897 г. профессоръ Акимъ Ал. Олесницкій въ своемъ отзывѣ о нашей

книгѣ писалъ въ Св. Синодѣ слѣдующее: „сдѣланная авторомъ реставрація книги Варуха, какъ и всѣ другія, существующія въ наукѣ, подобныя реставраціи потерянныхъ оригиналовъ, по самому существу дѣла можетъ быть только одно изъ многихъ. Съ увѣренностію никто не можетъ поручиться, что данное слово греческой книги Варуха замѣнило именно такое еврейское слово, а не иное. Мы имѣемъ свѣжій примѣръ въ книгѣ Сираха, всѣ реставраціи которой оказались ошибочными передъ найденнымъ дѣйствительнымъ ей перв текстомъ“. Такимъ образомъ, съ готовымъ уже трудомъ въ рукахъ мы очутились какъ будто въ тупикѣ, и, выпуски его въ свѣтъ, должны дать отвѣтъ на вопросы: разумъ рационаленъ ли нашъ трудъ, логиченъ ли онъ, и удалось ли намъ прочесть и возстановить подлинный текстъ В руха?

Первыя еврейскія рецензіи книги Варуха переводно характера были вызваны къ существованію своему прос религиозными побужденіями, желаніемъ удовлетворить потребности вѣры и благочестія, цѣлями духовно-нравственнаго назиданія. Божественныя писанія, говоритъ въ одномъ мѣстѣ Филонъ, долго оставались въ одинаковомъ положеніи, не измѣняя своего нарѣчія, доколѣ еще не откры красоты своей другимъ людямъ. Когда же красота эта стала ощутительна и для другихъ, то и слава ихъ распространилась повсюду, ибо прекрасное хотя бы по чьей-либо воле и затѣнено было на короткое время, однако въ свое время снова просіяваетъ въ силу самыхъ благопріятныхъ условій своей природы. Такъ какъ аналитическимъ экзегезисомъ въ слѣдніе времена добыто довольно прочное положеніе, то Варухъ писалъ свое произведеніе по-еврейски, хотя мы читаемъ его теперь только по-гречески, то главный созидательный смыслъ переложенія даннаго греческаго текста на еврейскій діалектъ эпохи писателя въ томъ, чтобы это было просто археологическая экскурсія въ область еврейской гра

матики, но чтобъ это былъ языкъ собственныхъ думъ писателя. Еврейскій свитокъ въ рукахъ Варуха глубже открываетъ намъ внутренній складъ его мысли. Попытка гебраизировать книгу Варуха, думается намъ, уже тѣмъ не безплодна, что она снимаетъ съ авторскаго облика чуждое ему умственное покрывало иностраннаго влiянiя. Мы націонализируемъ автора, давая возможность въ большей рельефности выступить чертамъ семитическаго генiя. Обликъ Варуха натурализируется предъ нами; его памятникъ окрашивается библейскимъ колоритомъ. Только немного семитическихъ патриховъ, и оказывается, что Варухъ былъ еврей въ большей степени, чѣмъ ято выступаетъ изъ-за его греческаго одѣянiя, въ какомъ мы привыкли его видѣть. Его поэтичeskій темпераментъ можетъ получить большую свѣжесть и силу въ лирикѣ еврейскихъ звуковъ. Онъ весь, все его нравственное существо исполнено возвышающаго и радующаго образа завѣта Бога со своимъ народомъ, въ промышленiи своемъ карающаго и милующаго свой народъ. Весь фрагментъ въ библейской фразировкѣ получаетъ болѣе глубокий и національный смыслъ, въ немъ оживаютъ тоны библейскаго вдохновенiя, воскресаютъ цѣлые образы, усиливается сужденiе, индивидуализируется мысль. Лафонтенъ, прочитавши книгу Варуха въ первый разъ въ французскомъ переводѣ, въ восторгѣ выбѣжалъ на улицу и, приставаая къ прохожимъ, озадачивалъ ихъ вопросомъ: читали ли вы Варуха? Это великiй генiй. Думается намъ, что со стороны силы впечатлѣнiя на читателя всякая попытка приблизить греческiй текстъ къ первому органу божественнаго откровенiя, — еврейскому диалекту, носить въ себѣ сѣмена новаго вкуса и художественнаго наслажденiя. Сладше и чище вода, если ее пить изъ самаго источника; тѣмъ живительнѣе и свѣжѣе будетъ вкусъ переводнаго произведенiя, чѣмъ мы ближе подойдемъ съ нимъ къ оригинальному роднику слова. Въ наносномъ словѣ греческаго текста книги Варуха микроскопическiй анализъ от-

крылѣ разложившіеся остатки первичнаго еврейскаго материка. Они пережили свою пору, и какъ зерна, воспринятые новою греческою почвой, истлѣвши и разложившись въ ней, мѣстами сохранили идиоматическую конструктивность напластованій и гнѣздышекъ; ихъ бывшіе контуры отпечатлѣваются кое-гдѣ особыми жилками или выдаются шероховатостями и острыми углами. Отсюда получается фактъ необычайной важности. Значеніе греческаго текста книги Варуха, какъ основнаго памятника, получаетъ новое раскрытіе. Пробивающійся изъ-за греческаго стиля еврейскій текстъ даетъ намъ новый ключъ къ проникновенію въ смыслъ разбираемаго писанія и внутренняго логическаго синтеза. Писаніе Варуха возводится къ своему необходимому первоисточнику и этимъ удваивается его историческая цѣнность. Возрѣніе, что греческій текстъ есть единственная основа, которою должно нормироваться наше чтеніе и наше пониманіе Варуха, утрачиваетъ свою внутреннюю состоятельность. Греческому тексту отводится мѣсто, какъ редакціонному типу. Вводится новый элементъ, питающій энергію библенста. Предъ нами открывается новый моментъ къ разгадкѣ творчества и производительности еврейскаго духа. Открывается обширное поле для мышленія, наблюденія, сравненія, умозаключенія. Возникаетъ возможность текстуальной шифровки и различенія логико-психологическихъ мотивовъ. Правда, для того, чтобы видимые лингвистическіе костяки и лексическіе обломки сдѣлались научнымъ матеріаломъ для палеографа-реставратора, ихъ необходимо подвергать очень сложному умственному процессу. Митрополитъ Филаретъ въ одномъ мѣстѣ называетъ греческій переводъ LXX зеркаломъ еврейскаго текста. Такъ какъ еврейскій текстъ книги Варуха есть только экзегетическій императивъ, то греческій видъ текста получилъ для насъ сѣвзную зеркальность. Это призма, на одной грани которой отражаются туманныя рукописныя травмы, а на другой серебристый от-

блескъ греческой амальгамы. Задача реставратора проявить туманную сторону. Время разбило Варуховы скрижали. Въ мастерской экзегета изготавлиются новыя, и артистическая пытливость имитируетъ на нихъ творческіе мотивы писателя.

Но возможно ли направляться къ подобнаго рода разысканіямъ, не пускаясь въ область субъективныхъ, отчасти одностороннихъ гипотезъ? Можно-ли серьезно домогаться, чтобы изъ-подъ стального пера вышелъ контурный стиль помазаннаго пророческаго „человѣческаго писала“? Можно-ли съ молоткомъ за станкомъ выковать такую симфонію словъ, которая резонировала-бы, какъ вдохновенная, лира Варуха? И въ силахъ ли экзегетика и лингвистика сообщить своимъ выводамъ безспорную фактичность? Въдѣ та скрытая энергія, которая питаетъ подобную нашей работу. смѣлость анализа и исканіе выводовъ, заключаютъ въ себѣ и нѣкоторый рискъ, ибо процессуальное творчество въ конечной цѣли своей опредѣляется сдавливающими его границами: требуется воспроизвести текстъ подлинника въ его наиболѣе точной и близкой къ выраженіямъ автора формѣ; поставляется цѣлю посредствомъ изслѣдованія прямыхъ и косвенныхъ средствъ уяснить скрытый подъ ними текстъ, просвѣтить туманные намеки, заполнить выступающіе пробѣлы. Тутъ напрашивается нѣкоторое сравненіе. Когда потребности культурныя и политическія вызвали къ жизни переводъ LXX. въ странахъ греческаго вліянія онъ получилъ въ цѣломъ своемъ смыслѣ носителя божественнаго откровенія. Казалось бы, послѣ этого еврейскій текстъ библіи долженъ былъ сохранити за собою значеніе библіотечнаго антикварнаго дублета. Но оказывается, что оригиналъ и его фототипія не совпадаютъ другъ съ другомъ. Подлинное чтеніе и первоначальный смыслъ многихъ мѣстъ не вмѣщается ни въ еврейскую рецензію, ни въ греческую, а лежитъ за предѣлами нынѣшнихъ текстуальныхъ редакцій. Экзегеты постоянно убѣждаются, что во многихъ случаяхъ нормальныя чтенія даются

только синтезомъ двухъ версій; только сличеніемъ, сопоставленіемъ, прессовкою ихъ удается уяснить самый тонъ выраженій, затемненныхъ временемъ, и въ точности воспроизвести, насколько это возможно, силу и форму оригинальнаго смысла,—особенно въ тѣхъ шероховатыхъ оборотахъ и незаконченныхъ предложеніяхъ, которые сглажены въ переводахъ. Когда, напр., въ кн. Прит. 29, 18 съ еврейскаго читается: „безъ откровенія свыше народъ необузданъ“, а съ греческаго: „не будетъ сказатель языку законопреступну“¹⁾, то становится яснымъ, что истинный авторскій смыслъ не отражается ни въ томъ, ни въ другомъ чтеніи цѣликомъ, что окостенѣлая звуковая форма хотя и уцѣлѣла до насъ, но это словесная урна, которая хранитъ только грамматическій пепелъ, а духъ живого пониманія вылетѣлъ изъ нея. Относительно книги Варуха рукописи нѣтъ, но есть логическій скелетъ, и мы пробуемъ этотъ остовъ одѣть еврейскою плотью и кожей; а тутъ и рукопись есть, да смыслъ выдохся.

Или когда Пртч. 30, 31 подлинное зарзир матнаимъ— что значить „опоясанный по бедрамъ“—одинъ переводитъ *ломадь* (русск. синод.), другой *олень* (изд. брит. общ.), а третій *птиухъ среди куръ* (греческ.), то я недоумѣваю: чье положеніе отвѣтственнѣе, экзегета ли, который во всеоружіи грамотности плохо читаетъ рукопись безъ очковъ, или реставратора, который, хватаясь за туманные контуры пропавшихъ словъ, одушевленъ попыткою извлечь звукъ изъ нѣмой пустоты. Культурная жизнь народовъ создаетъ атмосферу словъ, и слова на многіе годы переживаютъ свое значеніе. Они стоятъ какъ прогнившія деревья, держаціяся одной ко-

¹⁾ или. Прч. 26, 10; съ еврейскаго: сильный дѣлаетъ все произвольно и всякаго прохожаго награждаетъ. Съ греческаго: многимъ волнуетъ всякая плотъ безумныхъ, сокрушается (бо) изступленіе ихъ.

рой, пока не подуетъ сильный вѣтеръ и не повалить ихъ. Не что иное и всякій переводчикъ осуществляетъ, какъ то, что онъ расчищаетъ умственный горизонтъ, заваленный сухими остовами изсохшихъ словъ, разрыхляетъ слежавшуюся почву и застѣваетъ ее свѣжими всходами современной ему культурной формы мысли, — въ сущности производить не палеографическую, а палеонтологическую реставрацію. И не потому ли и переводъ LXX оказался такъ устойчивъ и далъ новую жизнь цѣлой эпохѣ, что онъ явился въ періодъ упадка творчества еврейскаго гения? Теперь назрѣваетъ вопросъ и раздаются голоса въ пользу переизданія славянской библіи, такъ какъ библейская наука за 150 лѣтъ времени послѣдней редакціи перевода сдѣлала такіа расширенія и пріобрѣтенія, при которыхъ переводъ устарѣлъ, и теперь не соответствуетъ данному уровню библейскихъ познаній. Что же представляетъ собою это поновленіе перевода по своей внутренней сторонѣ, какъ не реставрацію, приближеніе къ первоисточнику, соответственно открывающейся постепенно его чистотѣ? Расхождение еврейскаго и греческаго текстовъ библіи — фактъ общеизвѣстный. Находить ли онъ себѣ какой-нибудь практическій синтезъ? Этого остается только желать. Когда, напр., въ книгѣ Іова V, 7 вы прочтете съ греческ.: „человѣкъ рождается на страданія: коринуны же высоко летаютъ“, и на вашемъ челѣ отразится недоумѣніе, по какой логикѣ сдѣшались эти разнородныя сужденія, и вы обратитесь за разгадкой этого логическаго скачка къ еврейско-русской библіи, то тамъ найдете совсѣмъ другое: человекъ рождается на страданіе, какъ искры, чтобы летѣть вверхъ. Должны же подобныя несоответствія, которыхъ можно набрать очень много, и которыя черезъ нѣкоторыя книги идутъ почти сплошь, — имѣть хоть какое-нибудь объясненіе. Оно и лежитъ на пути синтетическихъ реставрацій, которыя въ нашей русской библейской наукѣ, кажется, и не начинались. Отдѣляя подлинный изначальный смыслъ отъ обоихъ текстовъ, во многихъ слу-

ГЪЧЬ.

чаяхъ исключаящихъ одинъ другой и дѣлая его искомымъ текстуальнымъ прототипомъ, мы этимъ самымъ противъ положность равно стоящихъ другъ отъ друга текстуальныхъ версій наклоняемъ къ синоптической точкѣ ихъ взаимнаго пересѣченія, и единство мысли становится черезъ это не только возможнымъ, но даже и видимымъ. Гипотезою открываеся процессъ и способъ переводческой работы, и облегчаеся путь палеографическаго возврата къ грамматическимъ переводамъ. Съ этой точки зрѣнія вся библейская экзегетика въ недалекомъ будущемъ въ широкихъ размѣрахъ должна стать гипотетическою: ея называющій путь — гаданіе, умозаключеніе. Эти синтетическія пробы одиѣ могутъ набросать земли и уровнять пропасть, которая раздѣляетъ еврейскую тору и греческую біблію и которая теперь пока трудно проходима. Если мы будемъ сидѣть надъ однимъ греческимъ текстомъ, наша работа будетъ терять значительную долю этической цѣнности; она будетъ неискренна, ибо замалчиваетъ огромную трещину, какую дало историческое сознаніе въ сохраненіи божественнаго откровенія, тогда какъ эту трещину нужно задымлять. Еврейскій и греческій тексты это не двѣ подоплывы, сходящіяся въ единой вершинѣ логическаго конуса, а два устоя, разорванныхъ и не накрытыхъ единствомъ логическаго тѣла. Когда буква писанія становится только реликвіей, и муть въ кристаллахъ Божія откровенія вслѣдствіе приставшей къ нему отъ человѣческихъ рукъ пыли становится замѣтною, тогда процессъ аналитическаго проникновенія въ содержаніе книги, углубленіе и прощупываніе наносовъ разныхъ временъ и опыты анатомированія текста только и даютъ формулы созидательныхъ гипотезъ. Пусть эти гаданія будутъ субъективны, но они прорѣзываютъ, переворачиваютъ, какъ шутъ, слежавшійся и засохшій текстуальный пластъ и приводятъ къ практическому осмысленію и реальной значимости употребительнаго перевода. Когда, напр., въ III главѣ и доселѣ читалось: „ты осквернился вмѣ-

съ съ мертвыми“, а мы путемъ сопоставленій и аналогій корректируемъ „ты уподобился, сравнялся съ мертвыми“, то вопросъ о томъ, какой глаголъ стоялъ въ еврейскомъ оригиналѣ מָצָא или מָצָא, теряетъ свою остроту и отходитъ на второй планъ. Правда, въ свиткѣ Варуха стояло несомнѣнно одно какое-нибудь слово, но когда мы, отведя взоръ свой въ сторону отъ почерка Варуха, увидимъ, что, начавши съ предположенія и не закрѣпивши его гвоздемъ непоколебимости, мы все-таки сдѣлали шагъ впередъ въ дѣлѣ практическаго уясненія и пониманія даннаго мѣста, то мы хоть отчасти удовлетворены за трату труда и энергій. Сознаемся, что занявшись только насаждаемой у насъ русскихъ отраслью экзегезиса и работая въ малоизслѣдованной области, загроможденной матеріаломъ, мы не могли оберечься субъективизма и напряженныхъ заключеній и потому сужденія нашихъ distinguished рецензентовъ мы принимаемъ съ вниманіемъ и благодарностію.